

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА:

User

Rating: ○○○○○ / 0

Poor ○ ○ ○ ○ ○ Best

There are no translations available.

УДК 94 (470)

Шуякова Е.Н.

Трансформация понятия добровольчества:

от ценности к институту.

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»

This work about the realization of voluntary practice in the territory of post-Soviet Russia. Are revealed the conditions, which facilitate the formation of the new model of volunteering in the territory of the country. The specific character of the realization of voluntary initiatives in modern Russia is shown.

The keywords: volunteering; charity, voluntary practice, the organization of the volunteers

Эта работа о реализации добровольческой практики на территории постсоветской России. Раскрываются условия, способствующие становлению новой модели добровольчества на территории страны. Показана специфика реализации добровольческих инициатив в современной России.

Ключевые слова: добровольчество; благотворительность; добровольческая практика; организация добровольцев.

Итак, добровольчество или волонтерство (*Volunteerism*, согласно устоявшейся на Западе терминологии – Е.Н.) все чаще становится объектом исследований современных российских политологов, историков, социологов, психологов, философов, педагогов. На сегодняшний день уже сложилось достаточно большое разнообразие подходов к изучению этого феномена, появилось множество различных концепций трансформации добровольчества в российских условиях. Однако практически все исследователи сходятся во мнении, что добровольчество (волонтерство), а вместе с ним и благотворительность как еще одна форма деятельности являются неотъемлемой чертой российского менталитета, сложившегося в ходе не одного столетия жизнедеятельности российского народа. Об этом, в частности, говорит и Л.Е. Сикорская: «добровольческая помощь в различных видах издавна была существенной характеристикой русской национальной культуры наряду с традицией соучастия и сопереживания судьбе ближнего» [1].

И с этим поспорить сложно, поскольку существуют, подтверждающие это, реальные исторические факты, на которые зачастую ссылаются российские исследователи. Так, С.Б. Синецкий констатирует: «Общинно-коммунальный уклад жизни предполагал взаимную поддержку в качестве одного из условий хозяйственных успехов. Сама практика жизни в коммуне, система круговой поруки породили традиции взаимопомощи и взаимовыручки. Соответственно, добровольный труд длительное время выступал явлением самоценным, воспринимался как нечто естественное, не требующее специальной аргументации. В ситуации натурального хозяйства вопрос о денежных расчетах между жителями практически не стоял. В силу естественности и обыденности, трудового взаимодополнения волонтерство как особая группа не формировалась и общественным сознанием не отражалось... Несмотря на складывающуюся деятельностьную практику у волонтеров не было какого-либо организующего начала, а сами волонтеры не осознавали себя особыми людьми по сравнению с окружающими» [2]. Понять суть российской практики добровольчества

позволяют и такие примеры из отечественного прошлого: «В годы становления Московской Руси благотворительность не была повсеместной, а проявлялась в деятельности отдельных лиц. Сохранились факты того, что, например, князь Иоанн Данилович был прозван Калитой за мешок, который он носил с собой, раздавая из него милостыню, а князь Дмитрий Донской был настолько сострадательен к бедным и сирым, что кормил их из своих рук. Екатерина Великая, а затем императрица Мария Федоровна заявили себя в качестве благотворителей и основали многочисленные благотворительные заведения, которые заложили фундамент российской системы социального призрения, а патронирование благотворительных заведений стало основным общественным занятием дам из придворного круга и жен государственных деятелей того времени. Екатерина II первой ввела в практику модель «просвещенной» благотворительности, направленной на масштабные социальные изменения, искоренение социальных язв и улучшение общества. Одним из примеров такой деятельности стал Смольный институт, призванный воспитывать девушек – носительниц идей просвещения. Благотворительность, добровольчество не было уделом только людей из высшего света. История донесла до нас много обычаев самопомощи, бескорыстной поддержки ближнего простыми людьми. Это и совместное строительство нового дома, и сборы пожертвований добровольцами на строительство школ, больниц и храмов. Благотворительность в целом относилась к немногим сферам легальной гражданской активности... К тому же благотворительность служила милосердием и в то же время выражала гражданскую позицию демократической интеллигенции. В России первое официальное упоминание о волонтерской деятельности относится к 1894 г. Именно в этом году по предложению профессора В.И. Герье (члена Московской городской думы) были учреждены городские попечительства о бедных, которые собирали добровольные пожертвования и в которых работали волонтеры. До середины 80-х гг. XX в. добровольцами называли людей, которые в военные годы, не дожидаясь мобилизационной повестки, шли защищать свою страну, как это было в Первую мировую войну и в Великую Отечественную» [3].

И таких примеров из российского прошлого можно привести множество, впрочем, как и оценок свидетелей такого рода явлений в общественной жизни: «Помню в детстве, у нас в Новгородской области в избах можно было видеть деревянный лоток, идущий через стену наружу вниз. Когда кто-то, невидимый изнутри постучит в такой лоток, хозяева опускали ему по лотку картошку, кусок хлеба, пирога, не видя – кто это. Существовала даже присказка, которой нам, детям, поясняли: «Чтобы нищий не стыдился, а хозяин не гордился» [4]. В этой связи интересно вспомнить и распространенные в русских деревнях «помочи» - когда вся община помогала справиться с непосильными для одной семьи проблемами и трудностями. Чаще всего собирались на постройку дома, полевые работы, строительство плотин и т.п. Семья заранее объявляла о «помочах», готовила угощение и все, что потребуется для большой работы [5].

То есть, как свидетельствует исторический опыт, добровольчество по своей сути являлось практикой внутреннего морально-нравственного самосовершенствования, нацеленной на единение индивида с окружающей средой, и, как следствие, сплочение всего общества в целом. Главным условием реализации данной практики являлась самостоятельность индивида в реализации им благих дел по доброй воле. То есть, учитывалось значение самостоятельности, как явления обуславливающего осознанность принятия решения индивидом о занятии добровольческой практикой. А значит и рождение инициатив созидательного характера и стремления к их воплощению в жизнь, и, как следствие – высокая степень эффективности процесса саморазвития личности. Именно с таких позиций добровольчество вносилось отдельной личностью в жизнь всего общества, где и проявлялось с теми же признаками. И, таким образом, условиями процессов самоорганизации в добровольческой сфере выступили самостоятельность и инициативность. Принципиальным было недопущение в практику добровольчества какого-либо внешнего воздействия, так сказать стимуляторов (*или мотивов – Е.Н.*).

Таким образом, существовало большое «наследие», которое только фактом своего наличия обрисовывало возможные варианты развития добровольческих практик в жизни современного российского социума. Это «наследие» способно было наполнить реальным и действенным содержанием то, что сегодня большинство исследователей склонны называть «волонтерством». Нередко звучит, что – «удобнее и практичнее придерживаться термина, принятого в большинстве стран, в том числе и не англоязычных – "волонтер"» [6], тем самым, отдается предпочтение заимствованию опыта других стран, нежели учету собственного российского опыта. Это, кстати, подтверждает и вся российская добровольческая практика двух прошлых десятилетий, когда как констатирует президент благотворительного общества «Невский ангел» Владимир Альфредович Лукьянов: «Конец 80-х и начало 90-х годов XX века в судьбах большинства россиян стали временем изменения личного мировоззрения и самоопределения. ...Используемые способы

привлечения добровольцев и работа с ними в общественных организациях были в основном интуитивными и опирались на личный опыт их лидеров и первые знания, полученные от зарубежных коллег» [7]. То есть, отвергался весь предыдущий опыт добровольческой деятельности, одновременно с чем и его восприятие как коммуитарной ценности, призванной спланировать российское общество. И, таким образом, выдвигался совершенно новый для российского общества социальный проект конструирования добровольчества в российской среде.

Ознакомление же с многовековым опытом добровольческой деятельности наших соотечественников способствует ее пониманию как исключительно частной инициативы личности оказывать помощь тем, кто в ней нуждается. Или, другими словами, вслед за Л.Е. Сикорской и Л.А. Кудринской можно понимать: «волонтерскую деятельность как форму социального служения, осуществляемого по свободному волеизъявлению граждан, направленного на бескорыстное оказание социальных услуг людям, их поддержку, защиту, личностное развитие» [8]. Однако практически все современное российское научное сообщество вслед за американской научной мыслью рассматривает возможность реализации добровольчества, как правило, в контексте функционирования той или иной организационной структуры (клуба, общины, молодежной организации и т.д.) [9]. При этом упускается из виду, что добровольчество согласно западному опыту втягивается в сферу политических практик, когда, например, «Каждый доброволец организации "Врачи без границ" посвящает себя борьбе за права человека» [10].

Несмотря на это, под социальным добровольчеством отечественные исследователи предлагают понимать: «одну из структур модели студенческого самоуправления» [11], «комму энтузиастов, объединенных идеей совместного созидания, ежедневных открытий в самых простых действиях» [12], студенческий волонтерский отряд [13] и т.д. Вообще, саму возможность присутствия добровольчества в российской практике связывают, исключительно, с процессами становления и развития гражданского общества: «...представляется важным проведение научных исследований молодежного добровольчества как мощного ресурса формирования институтов гражданского общества» [14]. Именно такой подход к пониманию волонтерства спровоцировал и последующую логику научных размышлений. Большинство ученых, признавая, что добровольчество представляет собой стремление людей помочь ближнему и добровольно трудиться на благо общества, формулируют перспективы для самих добровольцев: «волонтерская деятельность – прямой путь к оплачиваемой работе, возможность всегда проявить и зарекомендовать себя..., получить рекомендации для дальнейшего продвижения и карьерного роста» [15]. Подобное направление научной мысли вполне соответствует сути той практики, которая получала распространение на территории России с начала 90-х годов XX века.

Итак, на смену многовековому российскому опыту добровольческой деятельности, так называемого «наследия», включающего, безусловно, и практику советских лет приходит новая теория реализации добровольчества. Достаточно наглядно она представлена на страницах обширного массива методической практико-ориентированной литературы, подготовленной экспертами как российского, так и международного уровня. Как правило, финансовую поддержку подготовке такого рода изданиям оказывали фонды, в частности: Московское отделение Совета по международным исследованиям и обменов IREX, Российское представительство Charities Aid Foundation, Фонд Форда и другие [16].

Главным целевым ориентиром, практически, всех методических рекомендаций было создание «организаций, развивающих добровольчество» [17], так называемого «третьего сектора». Относительно, продвижения добровольческой инициативы в российских условиях данным структурам предписывался: «подбор и удержание волонтеров, обеспечение высокого качества их работы» [18], поскольку «1. Общественная поддержка в лице добровольцев поднимает имидж общественной организации. 2. Решается часть финансовых проблем организации, за счет безвозмездного труда добровольцев. 3. С приходом добровольцев увеличивается круг общения организации. 4. Привлекаются новые интеллектуальные ресурсы. 4. Привлекается внимание общественности к проблемам, решаемым организацией. 5. Оказываются квалифицированные профессиональные услуги. 6. Растет число людей, вовлеченных в деятельность организации...» [19]. Для этого разрабатывался весомый перечень методов вовлечения людей в добровольческую деятельность организации, в основном, это были такие мотивы-побудители как: «уникальный опыт... ошибки не грозят сказаться на их официальном послужном списке..., возможность учиться, не вкладывая собственных финансов..., приобретение нового круга общения... с людьми, которые в будущем могут быть полезны во многих отношениях. ...в выдаче рекомендаций, в обеспечении связей в кругах ранее недоступных..., ценность волонтерской деятельности для работодателя» [20]. По сути это была доктрина формирования нового добровольческого движения в стране,

которая противоречила изначально сложившемуся в российском обществе представлению о добровольческой инициативе и практике, когда частная инициатива «помочь другому (им)» была и единственным мотивом, и стимулом, и конечным результатом. То есть, происходило нечто иное как – смена морально-нравственных ценностей российского общества.

Главным очертанием новой модели добровольчества становился ее институциональный характер функционирования, где важная роль – роль организатора и наставника отводилась «третьему сектору». Доброволец попадал под патронаж общественной структуры. И, таким образом, добровольчество, по словам одного из лидеров мирового добровольческого движения Кенна Аллена, становилось эффективным способом решения сложных проблем отдельного человека, общества; методом, посредством которого каждый представитель общества может участвовать в улучшении качества жизни; механизмом, при помощи которого люди могут прямо адресовать свои проблемы тем, кто может их решить; движением с целью добиться большего влияния на собственную жизнь; возможностью найти себя и заложить в свою жизнь те ценности и привычки, которые позволят человеку вести здоровую, продуктивную и насыщенную жизнь [21].

Никаких полезных последствий для саморазвития отдельной личности посредством реализации собственной добровольческой инициативы из такого подхода не следует. Поскольку самореализация личности в данном случае подменялась действием «третьей силы» - в лице общественной структуры. Так, учение К. Аллена сводилось к тому, что «эффективное добровольчество... не возникает спонтанно. Как и любая другая человеческая деятельность, оно является результатом тщательного планирования, хорошего менеджмента и исполнения... Вот почему для продвижения и поддержки добровольчества необходимо уделять внимание построению соответствующей инфраструктуры» [22].

Такой подход достаточно быстро приобретает популярность в российской среде. Именно он был положен в основу добровольческой практики в России с конца XX века вплоть до 2010 года включительно, тем самым, перечеркивая общепринятое российским обществом понимание добровольчества в категории ценности. Концепция институциональной инженерии, в данном случае, исходила из того, что у добровольческой инициативы отбирался личностный, индивидуальный характер, она сводилась к уделу той или иной общественной структуры, преследующей определенные цели. При этом предполагалось, что институциональный дизайн в сфере добровольчества оптимизирует и саму систему общественного устройства. А это предполагало трансформацию сложившейся системы отношений. Так, государственная политика, направленная на поддержку общественных организаций, призвана была устранять барьеры для частной филантропии и поощрять добровольчество путем признания значимости роли добровольцев в экономике государства. Действия лидеров государства, бизнеса, СМИ, религии, общественных организаций также, направленные на продвижение добровольчества, сводились к внедрению ролевых моделей в их собственные услуги, поощрению вступления других в ряды добровольцев и реализации программ, способствующих привлечению людей в добровольчество. Предусматривалась государственная и частная поддержка развития общероссийских, региональных и местных организаций, построенных на основе модели «добровольческих центров» [23].

В практической плоскости это проявилось в создании сети центров и организаций, «развивающих добровольческую активность граждан» [24], а точнее указывающих пути активного участия в общественной жизни. Она охватывала различного рода общественные организации и центры, деятельность которых координировалась, главным образом, посредством образовательных программ грантодающих организаций. Эти программы предполагали проведение различного рода семинаров, тренингов, мастер-классов, ориентированных на раскрытие лидерского потенциала участников и как конечный результат – создание той или иной общественной структуры. По результатам такой работы нередко звучали заявления представителей российского добровольческого движения о том, что «они сталкиваются с проблемой нехватки знаний и опыта в этой области, отсутствием возможности получения информации по организации деятельности» [25]. Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что образовательные программы грантодателей насаждали в российском обществе установки отказа от исторического опыта своей страны. Именно поэтому образовательные программы носили весьма массивный и всеохватывающий характер. Их целевые аудитории начинались от школьников и заканчивались пенсионерами, которые «получали представление об основных нормативных документах, регламентирующих деятельность добровольцев, о принципах разработки и внедрения добровольческих программ, составили индивидуальные рабочие планы по привлечению добровольцев в свои организации» (тренинговая программа «Вечерняя школа для НКО», Омская

область) [26]. Охватывались, практически, все сферы жизнедеятельности человека: от экологии и образования до ухода за бездомными животными, от политики и здравоохранения до помощи ветеранам, инвалидам, детям-сиротам. В процесс становления и развития добровольческой инициативы на постсоветском российском пространстве включались органы государственной власти и местного самоуправления, средства массовой информации, бизнес-сообщество. Для этого разрабатывались специальные «технологии консолидированного участия власти, бизнеса и общества», например, – проведение Благотворительных сезонов, инициированных добровольческими организациями (Алтайский край): «В каждом благотворительном сезоне проводится конкурс «Лучший доброволец года». Дипломами конкурса награждено уже более 50 человек. Добровольцы организуют дни защиты детей, недели правových знаний, недели добра, различные экологические акции по очистке города, парков, рек, родников, дворов и перевалов. Постановление Правительства в связи с Международным годом добровольцев позволило расширить круг деятельности и активизировало работу добровольцев» [27], «В 1999 году программе Социального центра молодежи Кузбасса «Поддержка развития подросткового добровольческого движения по первичной профилактике наркотической и алкогольной зависимости. Добровольческое лето – 99» был присвоен грант I-й степени Государственного комитета по делам молодежи РФ» (Кемеровская область) [28]. Региональные органы государственной власти, в свою очередь, учреждали, к примеру, премии для добровольческих организаций: «Впервые указом губернатора награждены Почетной грамотой администрации Омской области за многолетнюю успешную деятельность по развитию добровольчества, формированию гражданской позиции молодого поколения и в честь Международного года добровольцев пять лидеров НКО» [29], создавали при комитетах по делам молодежи края или филиалах вузов добровольческие группы разной направленности (Приморский край) [30]. Деятельность добровольческих организаций получала широкое освещение в средствах массовой информации – «...появилось около 50 статей о Благотворительном сезоне и людях, участвующих в нем» [31] (Кемеровская область), «Об акции (акция называлась «Ледокол» - Е.Н.) был показан сюжет на «TV - 33», вышли материалы в двух центральных городских изданиях «Новороссийский рабочий» и «Новороссийская республика» [32]. В свою очередь, средства массовой информации стали инициировать проекты типа телевизионного «Добрые дела каждый день» - «в рамках программы «Новости-Пульс». Проект направлен на освещение добрых дел, которые делают омичи» [33].

К результатам реализации образовательных программ грантодателей относится: повышение информированности общества о добровольческих инициативах и акциях; увеличение численности общественных организаций, активно использовавших добровольных помощников; рост количества образовательных и социальных учреждений, принимающих участие в благотворительных мероприятиях; повышение активности самих общественных организаций. Не без основания к итогам таких результатов можно отнести и инициативу молодых добровольцев: «поддержать становление института добровольчества в области, разработать и принять Закон «О поддержке добровольческих инициатив в Кемеровской области» [34].

Итак, российский опыт добровольчества представляет собой достаточно разнообразный спектр форм его реализации. Многовековое историческое прошлое добровольчества доказывает самобытность и уникальность данного явления. Это выражалось в обыденности добровольчества, а также его ассоциации с морально-нравственными устоями и ценностями общества. Соответственно, главной мотивацией к добровольческой деятельности служила потребность человека в помощи ближнему и проявлении милосердия. Именно с таких позиций и происходила самоорганизация внутри российского общества, отсюда и наличие реальных созидательных практик.

Однако в постсоветском обществе оказался невостребованным исторический опыт своей страны. Российские добровольцы, следуя за веяниями нового времени, предпочли заимствовать практику западных стран, для которых характерной чертой являлась нацеленность добровольца на собственную самореализацию. Именно такой подход к организации добровольческой деятельности и стал воплощаться на территории России с начала 1990-х годов.

Достижению прагматических целей добровольца призваны были служить различного рода институты, одновременно формирующие и новую мотивационную составляющую добровольца – собственная самореализация. В свою очередь, созданию и функционированию общественных организаций добровольцев способствовали образовательные программы, разрабатываемые западным сообществом. Они и стали своеобразным инструментарием, предопределившим логикой своего дальнейшего развития изменение традиционных основ российской практики

реализации добровольческих инициатив. Смысл таких изменений сводился к трансформации традиционного для российского общества понимания добровольчества в ценностно-мировоззренческой системе координат по пути формирования новой модели добровольчества, представленной в виде множества институтов, призванных осуществлять управление развитием добровольческой среды.

В конечном счете, на территории России была создана система добровольчества, основанная на внутренней иерархической системе отношений. И, как следствие, очередным результатом внедрения новой модели добровольчества становится то, что добровольчество окончательно выхолащивается из ценностно-мировоззренческой системы координат российского общества.

Литература:

[1][1] Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы. // Социологические исследования. 2007. № 9.

[2][1] Синецкий С.Б. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. 2006. №1 7. С.104-105.

[3][1] Григорьев И.П. Специфика организации волонтерства в молодежной среде. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 101.

[4][1] Гранин Д.А. Потерянное милосердие. // Интеллигенция: статьи, выступления, эссе. – СПб: изд-во СПбГУП, 2007. С. 460.

[5][1] Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы. // Социологические исследования. – 2007 - № 9.

[6][1] Волонтер. Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и руководителей и членов волонтерских отрядов.- Ростов-на-Дону, 2006. С. 4.

[7][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. С. 10.

[8][1] Сикорская Л.Е. Толерантность в представлениях молодых российских и немецких волонтеров социальной работы. // Социологические исследования. 2007. № 9; Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика. // Социологические исследования. 2006. № 5.

[9][1] Великанова Е.В. Возможности волонтерского движения в социализации личности подростков и молодежи. //Совершенствование подготовки кадров сферы культуры: традиции и новации. М., 2004. С. 97; Акимова Е.В. Педагогическое волонтерство в деятельности в деятельности детско-молодежных объединений: Дисс... канд. пед. наук. Рязань, 2006. С. 95.

[10][1] Митько Елена. Спид не спит. // Вечерняя Москва. 15 декабря 1996 года. № 283.

[11][1] Амиридзе С.П. Молодежное волонтерство как школа социального действия. // Научные исследования в образовании. 2010. № 7. С. 20.

[12][1] Носова Ю.И. Роль молодежных добровольческих объединений в современном социуме. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1. С. 37.

[13][1] Паршина Ю.В. Волонтерское движение и его истоки в России. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 106-109; Волкова Е.В. Волонтерская деятельность студентов и ее влияние на формирование правовой культуры. //

Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 6. С. 214-217; Екимова С. Волонтерское движение в гуманитарном вузе. // Высшее образование в России. 2006. № 12.

[14][1] Арсеньева Т.Н. Психолого-педагогические основы разработки и внедрения инновационных проектов молодежного добровольчества. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2010, № 136 – С.46; Кудринская Л.А. Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции. // Автореф. дисс. на соискание ученой степени д. соц. наук. М., 2006. С.3.

[15][1] Ахметгалеев Э.Д. Участие в волонтерском движении как условие социально-профессионального становления студента в вузе. // Казанский педагогический журнал. 2009. № 3. С. 28.

[16][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. С. 106-109.

[17][1] Там же.

[18][1] Volunteers - Work with the Volunteers. Head Office for Knowledge Management and Analysis. // Методический центр. [Электронный ресурс] URL: [/http://old.hokma.ru/mc/vol.work.htm](http://old.hokma.ru/mc/vol.work.htm). Дата доступа: 11.02.2011.

[19][1] Слабжанин Н. Как эффективно работать с добровольцами. Новосибирск, 2001. С. 24.

[20][1] Волонтер. Методические рекомендации для специалистов органов по делам молодежи и руководителей и членов волонтерских отрядов.- Ростов-на-Дону, 2006. С.7-8.

[21][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. С.8

[22][1] Там же.

[23][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. – С. 9.

[24][1] Там же. С. 22.

[25][1] Там же. С. 33.

[26][1] Там же. С. 28.

[27][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. – С. 30.

[28][1] Там же. С. 24.

[29][1] Там же. С. 27.

[30][1] Там же. С. 32

[31][1] Слабжанин Н.Ю. Мозаика российского добровольчества. Факты, ресурсы и мнения. М., 2003. С. 25.

[32][1] Там же. С. 50

[33][1] Там же. С. 27.

[34][1] Там же. С. 26.

